

ТВОРЧЕСКИЕ
ПОРТРЕТЫ

ВСЕГДА В ПОИСКЕ

Голубая афиша сообщала, что «Кармен» — гастрольный спектакль солистки Новосибирского театра оперы и балета Ю. И. Апальковой. И хотя само по себе имя исполнительницы загла в н о й партии ни о чем еще не говорило, вечером партер, ложи бельэтажа, ярус и шумливая «галерея» были заполнены до отказа. Все ждали выхода Кармен. Предполагали, что вот сейчас она выбежит и рассмеется в лицо пылким «набальеро», неотразимая, сияющая.

А она спокойно и просто вышла из ворот табачной фабрики. Ничего бьющего на эффект не было в этой Кармен — она терпеливо выслушала докучливые признания и, загадочно улыбаясь, запела «Хабанеру». Ее голос полетел в зал, теплый и гибкий, с сочными грудными нотами. И те, что слушали его, находили, что он красив и выразителен, и горячо аплодировали после каждой арии. У певицы из Новосибирска был послушный голос. Он тонко передавал смену настроений героини: то стелился мягким бархатом, когда она пела полную страсти «Сегедилью», то ликовал в «Цыганской песне», и в нем звучало воодушевление человека, которого переполняет радость жизни, то безутешно скорбел, густой и глубокий, в мрачной сцене гадания, то становился металлически холодным и жестким в заключительном дуэте с Хозе.

В антрактах в театральном фойе только и говорили, что о гастродерше. Самые строгие судьи — певцы и музыканты — сошлись на одном мнении: гостья из Новосибирска — отличная вокалистка и талантливая актриса.

...Спектакль закончился поздно. В гостиницу Юлия Апалькова вернулась в полночь. Валила с ног усталость: четыре часа нервы были на пределе, с того самого момента, как села гримироваться. Но, странное дело, спать не хотелось. И вот так всегда — ночь перед премьерой или большим спектаклем и ночь после — без сна. Она достала из дорожной сумки толстую тетрадь в кожаном переплете. К многочисленным записям, сделанным размашистым почерком, в дневнике прибавилась новая:

«25 февраля 1963. Гастроли в Свердловском театре оперы и балета имени А. В. Луначарского. Пела Кармен в третий раз в своей жизни. Волновалась с утра: как примут в незнакомом городе, в театре с большими музыкальными традициями. Иногда, в других спектаклях я слишком много рассуждаю. И вот эта самая рассудочность очень мешает: будто сидишь в зале и постоянно себя контролируешь. Боишься «пережать», сфальшивить, и потому становишься менее темпераментной. А на этот раз мне было легко петь и играть. Здесь отличные партнеры, чуткая публика, которая тебе верит... Я жду встреч с моей Кармен, как самого большого праздника. Разве это не радость — пожить на сцене пусть каких-то два-три часа мыслями и чувствами любимой героини...»

Она поставила последнюю точку. За окном маячила косматая уральская метель. А в комнате было тихо и тепло. При свете настольной лампы она долго еще сидела за столиком. Шелестели страницы дневника. Подступали воспоминания. Вот одна из первых записей — экзамен в Киевской консерватории в классе М. Ф. Снаги. Как давно это было — 11 лет назад, когда она впервые выступила на сцене в партии Татьяны в опере Чайковского «Евгений Онегин».

И дальше, закончила консерваторию как лирическое сопрано и стала эстрадной певицей. Потом перешла в Киевскую филармонию. Постепенно голос окреп, возмужал и превратился в меццо-сопрано.

Запись 1956 года: «Москва. Удостоена звания лауреата на Всесоюзном конкурсе артистов эстрады». И два года спустя: «Сбылась моя давнишняя мечта. Я стала оперной певицей. В багаже — ни одной партии. Но меня приняли в Новосибирский театр оперы и балета. Спела Жрицу в «Аиде».

А потом записи участились. Замелькали имена героинь и названия спектаклей, даты премьер. Полина и Графиня в «Пиковой даме», Ольга в «Евгении Онегине» Чайковского, Зибель в «Фаусте» Гуно, княгиня в «Русалке» Даргомыжского, Кончаковна в «Князе Игоре», милый сердцу отрок Ваня в «Иване Сусанине» Глинки.

Мне вспоминается телевизионная постановка «Царской невесты» Римского-Корсакова во время прошлогодних гастролей Новосибирской оперы в городе Кемерово. Ю. Апалькова оказалась чудесной Любашей. В ее пении подкупала безупречная чистота интонаций, в игре — тонкий психологизм и тщательная проработка каждой детали. В сцене с Бомелием Любаша Ю. Апальковой исполнена человеческого достоинства. Она пальцем не позволяет «нехристу» притронуться к ней. Девушка идет в «конуру немца», как на казнь, но с высоко поднятой головой. Она не думает о собственном позоре, и если уж согласилась на грязную сделку с лекарем, то идет без стонув, не заламывает в истерике рук и не закрывает лицо платком.

Новые партии появились в

репертуаре молодой певицы в нынешнем сезоне. И среди них эффектишная Азучена в «Трубадуре». В Новосибирском театре образ потрясающей трагедийной силы в этой опере создала народная артистка СССР Л. В. Мясникова. Казалось бы, чего проще: копируй образцы. Ю. Апалькова же по-своему прочла гениальную партитуру Верди и в романтическом облике старой цыганки увидела не демоническую мстительницу, а простую женщину, на долю которой выпали тяжелые испытания. Но ее Азучена до старости сохранила горделивую осанку и легкую гибкую походку. Она тепла и лирична, по-матерински нежна с Манрико,

На спектаклях с участием Ю. Апальковой всегда интересно, потому что с каждым выступлением артистка открывает в характерах своих героинь новые черточки. Сегодня она не та, что была на предыдущем представлении, и в следующий раз будет совсем другой. В нынешнем сезоне она подготовила партию Марины Мнишек в «Борисе Годунове». Те, что слушали певицу в этой опере несколько раз, заметили, как «дозревал» образ гордой шляхтянки. «Орешек» был не из легких. Во-первых, трудности чисто технического порядка — партия написана в высокой тесситуре. Как совместить пение и четкость дикции? Сначала одно шло в ущерб другому, и только на последних спектаклях удалось найти «золотую середину». Недоставало Марине — Апальковой аристократического лоска, она была несколько угловатая. Помогли занятия хореографией. Интуиция — ей тоже можно доверять — подсказала артистке, что надменная польская лани может быть не только тщеславной лицемеркой. И она нашла неожиданный поворот в решении образа, подчеркнув в Марине-авантюристке до мозга костей коварство и цинизм.

Ю. Апалькова — интересная камерная певица. Чтобы убедиться в этом, нужно послушать ее в сольном концерте или побывать хотя бы на занятиях с концертмейстером филармонии Т. Л. Поляковым. Часто обычная черновая репетиция разгорается в жаркую дискуссию по поводу трактовки того или иного произведения. Обе стороны — певица и пианист — азартно спорят, но в конце концов приходят к истине. Творчество продолжается.

...Мы встретились с Юлией Ильиничной перед закрытием театрального сезона в оперном. Разговорились о планах.

— В последнее время, — рассказывала певица, — я часто думаю об эстраде. И в новом сезоне обязательно подготовлю концертную программу. А сейчас — гастроли в Москве. Да, очень волнуюсь. Буду петь Марину Мнишек, Ангела в «Демоне», две маленькие партии в нашей новой постановке — опере Лазарева «Клоп» и, возможно, Азучену. Какова самая заветная мечта? Есть, и не одна. Очень хочется спеть Марфу в «Хованщине» и Амнерис в «Аиде». Первая у меня давно готова, жаль только, что так редко идет эта замечательная опера Мусоргского. И, конечно же, мечтаю выступить в хорошей советской опере. Я была очень счастлива, когда три года назад спела Варвару Васильевну в опере Родиона Щедрина «Не только любовь». Не теряю надежды встретиться на оперной сцене — и не один раз — со своими современниками.

А. АНТОНОВИЧ